

Веймарский синдром

// Егор Гайдар – об опасностях постимперской ностальгии

Фото: КОНСТАНТИН КУКСО / Коммерсантъ

мнения и комментарии

Архитектор российских рыночных реформ, а ныне директор Института экономики переходного периода ЕГОР ГАЙДАР предупреждает, что ностальгия по империи в условиях неокрепшей демократии становится мощным политическим оружием популистов. Правда о причинах крушения империи забывается или скрывается, ее место занимают мифы. Риски постимперского популизма, как показывает опыт России, наиболее высоки не в момент острого экономического кризиса, а тогда, когда общество входит в период экономической стабилизации, пишет Егор Гайдар в статье, публикуемой сегодня Ъ.

"Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель", – писал Александр Солженицын в 1990 году в статье "Как нам обустроить Россию". Президент России Владимир Путин в послании Федеральному собранию 2005 года сказал, что считает крушение Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой века.

Примеров апелляции к постимперским чувствам в современной России не счесть. Но подобная ностальгия, которой пронизано российское сознание, отнюдь не наше изобретение. Такое случалось в истории, и не раз. Советский Союз не первая распавшаяся в XX веке империя, а последняя. Из числа государственных образований, которые в начале XX века сами называли себя империями, не осталось к концу столетия ни одного. Наша страна по ряду ключевых характеристик была непохожа на традиционные заморские колониальные империи. Тем не менее элита царского периода рассматривала свою страну как империю, так ее и называла. То, что сегодняшние сторонники восстановления империи апеллируют к наследию, идущему от царской России через период советской истории к сегодняшнему государству, вряд ли случайно.

Политическое оружие

Когда Петр I принял титул российского императора, он лишь декларировал, что Россия является великой европейской державой. Величие и имперскость в это время были синонимами. Как показал опыт второй половины XX века, все империи распадаются. Однако отождествление государственного величия и имперскости делает адаптацию к утрате статуса великой державы непростой задачей для национального сознания.

Эксплуатация постимперского синдрома – эффективный способ получить политическую поддержку. Сама концепция империи как государства недемократического, но мощного, доминирующего над другими народами, – продукт, продаваемый столь же легко, как кока-кола или памперсы. Апелляция к постимперской ностальгии – политическая реальность в условиях демократических государств с всеобщим избирательным правом.

Сказать: "Все умрем во благо восстановления империи" – нетрудно. Этот лозунг обречен на популярность. Возродить империю невозможно. Уникальный случай – восстановление Российской империи в 1917-1921 годах. Это исключение. В подавляющем большинстве случаев реставрация империй в силу фундаментальных обстоятельств, обусловленных долгосрочными тенденциями социально-экономического развития, невозможна. Само формирование империи – продукт изменений организации жизни общества. Они возникают и рушатся под влиянием исторических обстоятельств. Мечты вернуться в иную эпоху иллюзорны.

В этом противоречии – корень ошибок бывших метрополий в отношении к прежде подконтрольным территориям. Решение Англии и Франции вторгнуться в Египет, чтобы установить контроль над Суэцким каналом, до боли напоминает кампанию российских властей в 2004 году за выбор президентом Украины дважды осужденного советским судом кандидата. Опыт поражений российских властей в 2003-2004 годах в Грузии, Абхазии, Абхазии, Украине, Молдавии не исключение.

Судетский сценарий

Постимперскому сознанию принять этот факт трудно. Легче поверить в то, что нас победили не грузины или украинцы, а стоящий за ними "мировой заговор". Если и дальше принимать решения, находясь в рамках этой парадигмы, можно, обидевшись на всех, делать одну ошибку за другой.

Ностальгия по территориально интегрированным империям сильнее, чем по заморским. Для почти 3 млн судетских немцев, чувствовавших себя в Австро-Венгрии представителями господствующего народа, было непросто оказаться в положении национального меньшинства. Риторика, связанная с их бедами, стала одной из ключевых в гитлеровской пропаганде перед оккупацией Чехословакии. При распаде территориально интегрированных империй (Австро-Венгрия, Германия, Россия, Турция, СССР) проблемы, подобные тем, с которыми столкнулись судетские немцы, становятся массовыми. Если не осознать этого, трудно понять истоки войны сербов и хорватов, боснийскую трагедию.

Советский Союз был территориально интегрированной империей, одной из мировых сверхдержав. За несколько лет до его распада в реальность того, что произошло в 1988-1991 годах, почти никто не мог поверить. После краха СССР за границами России осталось более 20 млн русских. Элиты не всех стран, жителями которых они оказались, были достаточно деликатными и разумными, чтобы решить проблемы людей, неожиданно для себя оказавшихся национальным меньшинством в стране, которую раньше считали своей. Все это делает постимперский синдром одной из тяжелейших проблем современной России.

Теория заговора и ее корни

Медленный закат империй, постепенный, растянутый на годы процесс, когда и элиты и общество осознают безнадежность и бессмысленность попыток ее сохранить, общество метрополии переживает легче, чем неожиданный крах. В этой связи характерен пример Германской империи. До начала осени 1918 года власти уверяли народ, что победа близка. Когда в октябре–ноябре крушение немецкой военной машины стало очевидным, а капитуляция неизбежной, общество было к этому не готово. Отсюда легкость формирования мифа о "Германии, которая никогда не была побеждена на поле боя", о "врагах, нанесших удар ножом в спину". Под последними явно или неявно подразумевались социалисты.

Эту фразеологию в середине 1920-х годов используют бывшие руководители немецкой армии, те, кто в сентябре–октябре 1918 года информировал гражданские власти о невозможности продолжения войны и необходимости заключить мир на любых условиях. Многие немцы быстро забыли, как они ненавидели монархию в последний год войны, о чувствах, которые испытывали в октябре 1918 года, когда стало ясно, что кайзер и высшее командование обманывало народ, рассказывая, что победа близка. Они не знали о том, что именно фельдмаршал Эрих Людендорф в октябре 1918 года потребовал, чтобы новый канцлер Германии принц Макс Баденский заключил перемирие, дабы предотвратить военную катастрофу на западном фронте.

Лидеры Веймарской республики не были готовы придать гласности материалы об ответственности германского руководства за развязывание первой мировой войны, рассказать о том, как оно использовало убийство эрцгерцога Фердинанда, чтобы начать военные действия. Исследователи истории Веймарской республики считают, что сокрытие этих обстоятельств – один из важнейших факторов, приведших к краху республики. Миф о невинной, непобежденной, преданной, униженной Германии был сильным оружием, которое руководители новой власти сами дали в руки тех, кто в демократические ценности не верил. Гитлер говорил, что поражение в августе 1918 года было игрушкой по сравнению с победами, которые одержала до этого немецкая армия. Что не они стали причиной поражения, а предательская работа тех, кто на протяжении десятилетий работал над уничтожением политических и моральных установлений и сил немецкой нации.

Неожиданность, быстрота, с которой рушатся, казалось бы, непоколебимые империи, порождает ощущение нереальности происходящего. Нетрудно убедить общество в том, что государство, которое столь неожиданно развалилось, можно при наличии политической воли столь же быстро восстановить. Это иллюзия, причем опасная. Платой за нее стали реки крови, пролитые в ходе второй мировой войны.

Параллели и аналогии

Постимперская ностальгия – болезнь излечимая. Как показывает, скажем, опыт Франции, которой утрата империи далась нелегко, потребовалось несколько лет динамичного экономического роста, чтобы опасная для страны истерика, чуть не взорвавшая демократический режим, превратилась в мягкую романтическую ностальгию по утраченному величию. Но в эти годы за сохранение демократии надо было бороться. То, что сделал тогда Шарль де Голль для предотвращения прихода к власти радикальных националистов во Франции, трудно переоценить. В Германии 1920-1930-х годов развитие событий пошло по иному пути.

Нельзя поддаваться магии цифр, но факт, что крушение Германской империи отделяло от прихода Гитлера к власти примерно 15 лет, время, которое отделяет крах СССР от России 2006-2007 годов, заставляет задуматься. Параллели между Россией и Веймарской республикой проводят часто. Автор этих строк сам принадлежит к числу тех, кто ввел их в обиход российских политических дискуссий начала 1990-х годов. Но не все понимают, насколько они значимы.

Мало кто, например, помнит, что имперская государственная символика была восстановлена в Германии через восемь лет после краха империи, в 1926 году, в России – через девять лет, в 2000 году. Не все понимают, до какой степени попытка государственного переворота Каппа в 1920 году, когда власти республиканской Германии не смогли рассчитывать на помощь армии и вынуждены были обратиться за поддержкой к народу, похожа на события осени 1993 года. Немногие знают, что важнейшим экономическим

лозунгом нацистов было обещание восстановить вклады, утраченные немецким средним классом во время гиперинфляции 1922-1923 годов.

Роль экономической демагогии нацистов в их приходе к власти в 1933 году нельзя недооценивать. Антисемитизм, радикальный национализм, ксенофобия были естественными элементами мышления лидеров Национал-социалистической партии Германии. Но до 1937 года они были осторожными в использовании этих инструментов. Апелляция к чувствам собственников, потерявших свои сбережения в ходе гиперинфляции 1923 года, была более эффективным политическим оружием. Слова тех, кто сегодня обещает восстановить вклады, обесценившиеся во время финансовой катастрофы Советского Союза, дословно повторяют геббельсовскую риторику начала 1930-х. Вклады нацисты, придя к власти, не восстановили. Они привели страну к войне и к еще одной денежной катастрофе.

Отложенная угроза

В российских условиях время расцвета постимперского синдрома и замешенного на нем радикального национализма, вопреки ожиданиям автора этих строк, пришлось не на период, непосредственно последовавший за крушением СССР, а на более позднее время. Я и мои коллеги, начинавшие реформы в России, понимали, что переход к рынку, адаптация России к новому положению в мире, существованию новых независимых государств будет проходить непросто. Но мы полагали, что преодоление трансформационной рецессии, начало экономического роста, повышение реальных доходов населения позволят заместить несбыточные мечты о восстановлении империи прозаичными заботами о собственном благосостоянии. Здесь мы ошибались.

Как показал опыт, во время глубокого экономического кризиса, связанного с адаптацией к новым реалиям, когда неясно, хватит ли денег, чтобы прокормить семью до зарплаты, выплатят ли ее вообще, не окажешься ли завтра без работы, большинству людей не до имперского величия. Когда благосостояние начинает расти, ты уверен, что в этом году зарплата будет больше, чем в предыдущем, что жизнь изменилась, но вновь обрела черты стабильности, можно, придя домой с работы, сесть с семьей смотреть советский фильм, в котором наши разведчики лучше их шпионов, а жизнь, изображенная кинематографистами, безоблачна. На этом фоне приятно порассуждать о том, как враги развалили великую державу и как мы всем им теперь покажем, кто главный.

Апелляция к имперским символам былого величия – сильный инструмент управления политическим процессом. Чем больше официальная российская пропаганда пытается представить войну, в развертывании которой Иосиф Сталин, санкционировавший пакт Молотова–Риббентропа, сыграл немалую роль, как цепь событий, ведущих к предзаданной Победе, тем быстрее уходит память о сталинских репрессиях. Позитивные оценки роли Сталина с 1998 к 2003 году выросли с 19 до 53% опрошенных. На вопрос "Если бы Сталин был жив и избирался на пост президента России, вы проголосовали бы за него или нет?" 26-27% жителей России ответили положительно.

Пытаться вновь сделать Россию империей – значит поставить под вопрос само ее существование. Неготовность властей Веймарской республики сказать правду о начале первой мировой войны была одним из важнейших факторов, способствовавших ее краху. Правда о причинах и механизмах крушения Советского Союза, на мой взгляд, в системном виде не сказана. Легенда о процветающей, могучей державе, погубленной врагами-инородцами, – миф, опасный для будущего страны. Не хотелось бы повторять ошибок, сделанных немецкими социал-демократами в 1920-х годах. Цена этих ошибок в мире, где есть ядерное оружие, слишком высока.

ЕГОР ГАЙДАР
директор Института экономики переходного периода